

Оглавление

Валентин Гефтер. Как это делалось в Черемушках в 1970-е.....	4
Михаил Гефтер о замысле (записки к издателю).....	8
1. Сражение мысли с властью: русский вариант.....	8
2. Русские народники. Люди. Идеи. Движение.....	10

АНТОЛОГИЯ НАРОДНИЧЕСТВА

Глава 1. Пролог.....	15
Глава 2. Самоутверждение.....	86
Глава 3. Завязка.....	142
Глава 4. Перелом.....	172
Глава 5. Рождение «Народной воли» (Самоопределение).....	211
Глава 6. Либо-либо.....	258
Глава 7. Накануне.....	330
Глава 8. Цареубийство.....	401
Глава 9. Триумф и гибель.....	440
Эпилог. Завещание Александра Михайлова.....	545

Приложения

Михаил Гефтер. Заметки к проспекту.....	547
Михаил Гефтер. Из блокнотов.....	550

Послесловие

Яков Гордин. Человек и власть. Урок? Предостережение?	552
Именной указатель (под ред. В. А. Твардовской).....	568

Валентин Гефтер

Как это делалось в Черемушках в 1970-е...

Почти не у кого теперь спросить, как создавалась «Антология народничества» и почему вообще ею стали заниматься в окружении историка Михаила Гефтера в период его «отставничества» от официальной науки. Конечно, интерес к этому периоду русской истории, тогда еще прошлого, XIX века возник у М. Я. не случайно и задолго до этого. Так, в 1960-е он после долгой тяжелой болезни вернулся к работе и вскоре, среди прочего, стал одним из редакторов первого тома многотомной «Истории КПСС», которую взялся создавать официоз в конце оттепельного периода и связанного с ним пересмотра сталинской историографии всей революционной парадигмы, породившей большевизм. Так что уже тогда М. Я. в сотрудничестве с коллегами по Институту истории АН СССР Б. С. Итенбергом и В. А. Твардовской был готов к «новому прочтению» этого периода.

Но, возможно, и современная история взлета революционно-терроризма на Западе в 1970-е (во многом как результат событий 1968 года) более всего подвигла Гефтера заняться подготовкой Антологии. И недаром его помощниками в этой работе стали молодые историки, так или иначе не «вписавшиеся» в советскую историческую науку. Их воспоминания, так же как и воспоминания членов семьи Гефтера, помогли бы понять, как началась и шла эта работа. Возможно, первым импульсом для него стали розыски в архиве Дома Плеханова в Ленинграде, где М. Я. обнаружил (видимо, не только для себя) немало документов, отсылавших исследователей к предшественникам идеологов позднего народничества. Не исключено, что еще одним из источников его интереса к этой теме стали книги ведущих литераторов, обратившихся в те годы к добольшевистской истории так называемого освободительного движения в России, в первую очередь печатавшихся в серии «Пламенные революционеры», которыми зачитывалась тогда интеллигентская публика. (Нынешнему читателю все меньше говорят имена этих авторов — Юрия Трифонова, Юрия Давыдова,

Анатолия Гладилина, более молодого Владимира Савченко, бывавшего в нашем доме и писавшего тогда о контрразведчике «Народной воли» Николае Клеточникове, служившем в спецподразделении охраны.)

Итак, началось все с поиска первоисточников — в публикациях столетней давности, следы которых можно было найти в московских библиотеках и архивах, а также в книгах, за многие годы скопившихся в библиотеке Михаила Гефтера. Интересен придуманный им план издания. Недостаточно было собрать малоизвестные в то время не только широкой публике, но и для многих советских исследователей, забытые или упрятанные в спецхран материалы. Не менее важно дать будущему читателю возможность понять весь контекст того времени, получившего название «пореформенная Россия». И для этого М. Я. написал множество, в его терминологии — «вводок» и «мостиков» между публикуемыми материалами участников народнического движения периода до 1881 года. Увы, все они сгнули в недрах московских охранителей советского строя после двух обысков у Михаила Гефтера в конце 70-х. Конечно, следователи Мосгорпрокуратуры формально искали иные материалы (изымалось все, хоть как-то относящееся к делу самиздатского журнала «Поиски», по которому он проходил свидетелем), но в мешки сгребалось все подряд, что выходило из-под пера инакомыслящего историка. Разыскать их через годы в органах не удалось: видимо, в ситуациях такого рода «рукописи горят», ну или их просто выбрасывают за ненадобностью для обвинения в борьбе с режимом. (Слова об истории террора и его героях не были тогда уголовно наказуемыми.) Возможно, в 1990-е при издании не публиковавшихся до тех пор трудов М. Я. приоритет был отдан более актуальным текстам, или он сам и не без основания посчитал, что «у них» ничего из изъятого не найти, — сейчас трудно сказать. Но, скорее всего, интересы авторов стали в постсоветское время уже иными...

Так или иначе, но (со)хранить рукопись целиком, к сожалению, оказалось невозможно. Хотя ее и переправили на Запад младшим друзьям автора-составителя Антологии с целью издать там, но эта затея не осуществилась. В парижском подвале нашлись только тексты самих народников и заметки Гефтера, пояснявшие идею и план будущего издания, но не «перемычки» между главами самого М. Я.

Через много лет, уже в наше время в подготовке Антологии участвовали разные люди; так, за научный комментарий взялась

Валентина Александровна Твардовская, которая консультировала, выверяла и контролировала библиографическую работу студентов Историко-архивного института, ныне входящего в РГГУ.

Сегодня перед нами скорее сборник материалов, оставшийся по упомянутым выше причинам без «перемычек», создававшихся М. Я. Гефтером в 1970-е. И все же Антология, по нашему мнению, читабельна и актуальна и сегодня, к тому же она снабжена библиографическими описаниями документов и обширным именованным указателем в конце рукописи.

Антология представляет в документальных свидетельствах выработанное Михаилом Гефтером авторское «новое прочтение» важного и во многом ключевого этапа революционного движения в России, идей и методов борьбы второй половины XIX века, без которых не случилось бы многое, что произошло как в годы двух русских революций начала теперь уже прошлого столетия, так и в постимперский период нашей истории.

В заключение напомним сверхзадачу этой затеи Михаила Гефтера, сформулированную им в упомянутых выше заметках об «Антологии народничества»: «увидеть сугубо непростую родословную народнического террора и изначально скрытый в нем тупик движения в целом». Насколько это сумеет разглядеть сегодняшний читатель, не знаю, но в помощь ему назову ряд моментов, на которых сам «застреваю» при обсуждении с коллегами (прежде всего с автором послесловия к данному изданию) «проклятых вопросов» нашей истории. Это:

Объяснение причин индивидуального террора неприятием действий представителей верховной власти, если имеет место:

- грубое нарушение прав и оскорбление достоинства человека, зависимого от властного лица;
- явное игнорирование права оппонентов власти на участие в обсуждении самых острых проблем народной жизни вплоть до устранения их из публичного пространства всевозможными «полицейскими» способами;
- принятие и использование неправовых законов для обвинения несогласных с властью в антигосударственных преступлениях вплоть до смертных приговоров тем, кто прибегает к насилию против должностных лиц.

Утопизм и нетерпение радикалов в достижении всенародного счастья путем свержения деспотии, состоящий в их убежденности, что именно они представляют тех, кому предстоит обрести права

и свободы, и находятся «во главе» исторического процесса, траектория которого им заведомо известна.

Вечная проблема благородной цели и средств ее достижения, не дожидаясь результатов реформ сверху и изменений в обществе. Искренняя вера в то, что для ускорения естественного развития потребованы радикальные меры, в том числе не исключаящие насилия по отношению к тем, кто является препятствием на эволюционном движении к праведной цели.

Миф о предупредительной миссии радикализма, основанный на твердом знании о будущих реках крови и тяжких потрясениях при сохранении существующего порядка вещей. Даже если так необратимо будущее по вине власть предержащих, то где грань, при которой радикал остановится. А если выбор народный не совпадет с его представлениями о пути к всеобщему счастью, то преемственность в применении радикальных действий может оказаться не менее опасной, чем упрямое следование «слепой и глухой» к народным чаяниям власти, реагирующей только на негодование и силу.

Остается открытым ответ на вопрос, удалось ли М.Я. Гефтеру подобной подборкой и разнообразием текстов Антологии показать «тупик движения в целом».

Но для меня очевидно, что одной из его задач было не только продемонстрировать высоту помыслов народников, нравственный императив их лидеров и глубокие социальные корни этого освободительного движения, но также дать возможность читателю делать собственные выводы, исходя из знания о событиях последнего столетия, из того, насколько они явились следствием того самого тупика, в который уже в XX веке «завез» Россию воображаемый локомотив «закономерного исторического процесса».

Михаил Гефтер о замысле (записки к издателю)

1. *Сражение мысли с властью: русский вариант*

Предлагаемый сборник — документальное издание. Не хрестоматия в обычном смысле, а скорее антология. Отличие в сквозном замысле, объединяющем разнородные по происхождению и жанру материалы.

Замысел: показать, как одно из крупнейших и трагических событий российской истории — Первое марта 1881 года — было подготовлено разночинским движением предшествующих десятилетий, выросло из противоречий и исканий не в последнюю очередь — из судеб людей, вступивших в это движение в начале 1870-х годов и прошедших путь от теоретических споров и кружковых баталий до попыток воплотить в жизнь свои идеи посредством революционной организации и тактики политического действия, не останавливаясь перед принесением в жертву самих себя.

Издание, выходящее в свет к концу XX века¹, не может, естественно, оставить вне поля зрения как ближние, так и дальние отзвуки и следствия событий тех лет. Речь идет не о том, чтобы выровнять в некоем умозрительном балансе иллюзии и мужество, «нетерпение» и напряженную работу мысли, не прекращавшуюся и в разгар охоты на царя. Составители видят свою задачу, чтобы без всякого насилия над материалом представить отдельные составляющие революционного действия **не врозь, а синхронно**, помогая тем самым читателю увидеть сугубо непростую родословную народовольческого террора и изначально скрытый в нем тупик движения в целом.

Идеи, движение, судьбы — содержание сборника. Соответственно замыслу и плану привлекается документальный материал: революционные программы и публицистика, позволяющие в совокупности показать генезис «Народной воли» и ее эволюцию

¹ Издание «Антологии народничества» планировалось на конец 1970-х — начало 1980-х гг. — *Прим. ред.*

за краткий срок существования; показания и судебные речи революционеров; письма, автобиографии и мемуары, которые при всех индивидуальных различиях дадут возможность читателю рассмотреть типичные черты молодого человека народнической и народовольческой формации; документы правящего лагеря, а также либерального и консервативного течений общественной мысли, воссоздающие в целом политический контекст движения и венчающего его акта. Составителям представилось необходимым завершить издание разделом, в который вошли материалы, отображающие движение от его апогея к краху, а также первые симптомы вступления России в новую — постпервомайскую эпоху.

Намечаются следующие разделы:

1. Пролог. (От появления «новых людей» к хождению в народ; вдохновители и инициаторы; итоги и новые искания).
2. Завязка. (Вторая «Земля и Воля», кризис с момента возникновения; роль Юга; перелом — выстрел Веры Засулич и сдвиги в общественном настроении).
3. «Народная Воля». (Выстрел А. Соловьева и распад «Земли и Воли»; Липецкий и Воронежский съезды; выработка программы и типа организации; споры и консолидация).
4. Накануне. (Внутренняя жизнь «Народной Воли»; пропаганда, деятельность в рабочей среде; эволюция политической мысли, социализм и террор, полемика с чернопередельцами; покушение на царя; диктатура Лорис-Меликова, «Народная Воля» и общество).
5. Цареубийство. (От «процесса 16-ти» к Первому марта; панорама событий, отклики — внутренние и международные).
6. Триумф и гибель. («Народная Воля» после Первого марта; позиция либералов; борьба в «верхах» и поражение Лорис-Меликова; судебные расправы; идейные и психологические сдвиги в революционной среде).
7. Эпилог. Завещание Александра Михайлова.

Каждый из разделов будет открываться вводным словом.

Вместо комментария — развернутая летопись событий и содержащий необходимые сведения об упоминаемых персонажах именной указатель.

Объем книги — 20 а. л.

2. Русские народники. Люди. Идеи. Движение

Замысел издания: воссоздать картину ищущей, работающей революционной мысли в неразрывной связи ее с опытом, уроками революционной практики. Движение народников — русский феномен XIX века, отличительная черта которого — сосредоточенность на способе действия, форме организации и взаимоотношениях революционеров (между собой и с народом, властью, обществом), причем эти три аспекта единого целого представляет в документах эпохи не как простое приложение главных идей к действительности, а как предмет мысли, теории, непрерывно корректируемой действием. Одна из ошибок почти всей имеющейся литературы, в том числе марксистской, состоит в искусственном рассечении народничества на «сектор» философии, идеологии, утопии и «сектор» практики, событий. Идеологи обычно рассматриваются в одном месте — от начала их деятельности и до конца (см., например, у Ф. Вентури — Герцен, Чернышевский, Ткачев, Лавров, Бакунин и т. д.), в то время как исторический взгляд настоятельно требует, чтобы они «присутствовали» в контексте развивающегося движения, а само движение было представлено в виде своего рода цепной реакции с выделением узлов, переломных рубежей, каждый из которых является продолжением и преодолением предшествующего. Важно не потерять при этом многообразия оттенков, подходов, мнений, выявляющих себя в открытом и подспудном диалоге, достигающем в критических точках предельного напряжения. Наконец, необходимо органически совместить в единой панораме движения его сквозные идейные устремления и искания (проблематика общинного социализма, крестьянской революции, абсолютизма и постреволюционной власти, положения действующего меньшинства в условиях патриархальной инерционности и неподвижности глубинных слоев народа, проблема включения России во всемирно-историческое развитие и «прерыва» буржуазной эволюции на ее специфически-исходной стадии...) — совместить их с таким же сквозным процессом становления «новых людей»: особого типа человека-разночинца, выламывающегося из господствующей крепостнической и авторитарно-бюрократической среды и формирующего (сознательно, целенаправленно) свою среду. Мы имеем здесь дело с феноменом выстраивания снизу гражданского общества, которое, не совпадая еще с народом как целым, вместе с тем резко обособляет себя от старых и новообразующихся буржу-

азных «верхов». Этот аспект народничества, крайне недостаточно или вовсе не проанализированный в литературе, для того, чтобы быть рельефно показанным в данном издании, нуждается в широком использовании материалов, которые формально носят «личный» характер (письма, дневники, судебные показания в части, разъясняющей мотивы, стимулы и обстоятельства вхождения в революционные организации и т. д.).

По нашему убеждению, лишь таким образом можно избежать предвзятости, которая в отношении народничества кажется более живучей, чем в каком-либо другом аналогичном случае. Выражается ли эта предвзятость в хулах или восхвалениях, в основе ее лежит линейная схема, которая устраняет противоречия и различия и всё сводит к смене «властителей дум». Предлагаемое издание призвано содействовать изжитию этого предрассудка. Потому так существенно ввести в текст — и достаточно широко — рядовых революционеров, которые воплощали в себе общий характер мыслящего движения, каким было классическое народничество. Одновременно следует отнести должное место материалам, отражающим ответные реакции и импульсы, которые шли в революционную среду из народной, в том числе крестьянской толщи. Следует заметить, наконец, что при таком комплексном и динамическом построении проектируемое издание не только даст читателю возможность приблизиться к «живому» прошлому, но и обнаружит поразительную близость тогдашних вопросов, сомнений, уроков действия с нынешними («новая левая», проблематика третьего мира во всех аспектах, включая нетрадиционность способов действия, выбора пути).

Естественно, что сформулированная задача весьма осложняет организацию материала и требует особых композиционных приемов. Предлагается разделить книгу на шесть проблемно-хронологических разделов, а внутри них сгруппировать материал в тематические блоки (гнезда) с тем, чтобы каждое из этих гнезд, как правило, включало в себя разные оттенки социалистических и демократических идей, диалоги, споры, расхождения и разрывы и т. п. В некоторых случаях целесообразно было бы дать также (в виде приложений или мелким шрифтом) документы, характеризующие контртенденции реакционного, консервативного и либерального свойства.

Для того, чтобы многоплановое и идейно разнообразное содержание сделать более доступным читателю, предлагается, кроме общего введения к книге, каждому из разделов и основных блоков

предпослать сжатые вступления с характеристикой конкретной ситуации, отдельных течений и позиций, а также с кратким источниковедческим обзором документов.

Книга будет снабжена летописью событий и развернутым указателем имен народников.

25. IV. 13⁰⁰.

Закомчен труд...

PS 4й и 3й разделы Главы 2-й проверены - за небольшим исключением («Община»).
 2й проверяли на коду (во второй раз). Если уж или иных книг в Рунте нет, пришлось полностью переписать документы.

Уточнения
за мной,
но это не
полезно.

PPS Очень мало, конечно, что нет сил переписать здесь полный текст, чтобы избежать ошибок в редакцир.е, комментир.е, составлении «Вводк» Как думаешь копировать документы?

Фрагмент рукописи М.Я. Гефтера «Заметки к проспекту» (1977 г.)

А Н Т О Л О Г И Я

НАРОДНИЧЕСТВА

Автор-составитель
М. Я. Гефтер

Глава 1.

ПРОЛОГ

1. *Герцен А. И.* Письма к будущему другу. Письмо четвертое. 1864 // Герцен А. И. Собрание сочинений в 30 томах. Т. XVIII. М., 1959. С. 88–89.
2. В. Г. Белинский — В. П. Боткину. 8 сентября 1841 г. // Белинский В. Г. Полное собрание сочинений в 13 томах. Т. 12. М., 1956. С. 65–72.
3. Н. П. Огарев — А. И. Герцену. 2 февраля 1845 г. // Огарев Н. П. Избранные социальнополитические и философские произведения. В 2 томах. Т. 2. М., 1956. С. 367.
4. *Баласогло А. П.* Проект учреждения книжного склада с библиотекой и типографией. Не позднее 1845 г. // Дело петрашевцев. Т. 2. М.; Л., 1941. С. 41–43.
5. К. Д. Кавелин — Т. Н. Грановскому. 4 марта 1855 г. // Литературное наследство. Т. 67. Революционные демократы. Новые материалы. М., 1959. С. 607.
6. *Шелгунов Н. В., Михайлов М. Л.* Прокламация «К молодому поколению» // Народническая экономическая литература. М., 1958. С. 83–98.
7. *Заичневский П. Г.* Прокламация «Молодая Россия» // Народническая экономическая литература. М., 1958. С. 101–107.
8. Прокламация «Предостережение» // Лемке М. Политические процессы в России 1860-х гг. (по архивным документам). Изд. 2-е. М.; Пг., 1923. С. 527–530.
9. *Чернышевский Н. Г.* Из романа «Что делать?» // Полное собрание сочинений в 15 томах. Т. 11. М., 1939. С. 144–145.
10. *Серно-Соловьевич Н. А.* Письма из крепости. 1864 // Лемке М. Очерки освободительного движения «шестидесятых годов». По неизданным документам. СПб., 1908. С. 214–217.
11. *Худяков И. А.* Записки каракозовца. М.; Л., 1930. С. 110–115.
12. *Каракозов Д. В.* Друзьям рабочим (1866) // Народническая экономическая литература. М., 1958. С. 117–119.
13. *Ишутин Н. А.* Размышления по поводу смертной казни. (Написано в Петропавловской крепости. 1866) // Красный архив. 1929. Т. 2 (33). С. 214–216.
14. М. А. Бакунин — А. И. Герцену и Н. П. Огареву. 19 июля 1866 г. // Письма М. А. Бакунина к А. И. Герцену и Н. П. Огареву. СПб., 1906. С. 279–280, 290–294.

15. *Кропоткин П.А.* Записки революционера. М., 1988. С. 292–298.
16. *Рогачев Д.М.* Исповедь (1877 г.) // Былое. 1924. № 26. С. 74–79.
17. Вопросы, разосланные перед съездом народников, и объяснительная записка к ним. (Осень 1875 г.) // Революционное народничество 70-х годов XIX века. Сб. документов и материалов в 2 томах. Т. 1. 1870–1875 гг. М., 1964. С. 402–406.
18. С. М. Кравчинский — П. Л. Лаврову (начало 1876 г.) // Былое. 1912. № 14. С. 52–59, 63.
19. *Баранников А.И.* Письмо родным. 7 апреля 1881 г. // Красный архив. 1926. Т. 1 (14). С. 177–178.

1. А.И. Герцен*¹

Письма к будущему другу. Письмо четвертое
(«Колокол», 15.06.1864)²

[...] Воспоминания мои переходят за пределы николаевского времени; это им дает особый фонд³, они освещены вечерней зарей другого, торжественного дня, полного надежд и стремлений. Я еще помню блестящий ряд молодых героев, неустрасливо, самонадеянно шедших вперед... В их числе шли поэты и воины, таланты во всех родах, люди, увенчанные лаврами и всевозможными венками [...] Я помню появление первых песен «Онегина» и первых сцен «Горе от ума» [...] Я помню, как, прерывая смех Грибоедова, ударял, словно колокол на первой неделе поста, серьезный стих Рылеева и звал на бой и гибель, как зовут на пир...

И вся эта передовая фаланга, несшаяся вперед, одним декабрьским днем сорвалась в пропасть и за глухим раскатом исчезла [...]

Время светлых лиц и надежд, светлого смеха и светлых слез кончилось. Порядком понял я это после, но впечатления того времени, переплетаясь с мифическими рассказами 1812 года, составили в моей памяти то золотое поле иконописи, на котором еще чернее выходят лики святых.

¹ Здесь и далее * означает, что биографические сведения представлены в Именном указателе.

² «Колокол» — первая русская революционная газета. Издавалась Александром Ивановичем Герценом и Николаем Петровичем Огаревым* в эмиграции в 1857–1867 гг.

³ Fond (фр.) — фон.

Когда немного улегся террор и шум николаевского венчания на царство, начали показываться какие-то потерянные люди, несчастные, ненужные, не знающие, куда идти, т.е. не знающие ни цели, ни дороги, но чувствующие, что так жить нельзя. [...] Старшие из них были уцелевшие декабристы, мы замыкали их процессию как уличные мальчишки замыкают уходящий полк, и сами росли в лишних людей. За нами шло уже поколение без воспоминаний, кроме детской и годов школы, оскорбленное грубым притеснением, без прямой связи с прошедшим, без прямого упования на будущее, болезненное, чахлое, оно вяло в листе и безотрадно погибало на полдороге. [...]

Не много в их числе развилось энергии, но много ее сгублено в внутренней работе и в внутреннем разладе, в поднятых вопросах, в поднятых сомнениях и в невероятной тяжести жизни. Грешно в них бросать камни. Вообще лишним людям тех времен обязано новое поколение тем, что оно не лишнее.

2. В. Г. Белинский*

В. Г. Белинский — В. П. Боткину* (8 сентября 1841 г.)

Ты не так понял: мое воспоминание старых дрязг — ты принял его как будто за указ тебе в прошедшем. Боткин, в нем, в этом прошедшем, много дряни — не спору; но забыть ее нет возможности, ибо с нею соединено тесно и все лучшее, что было в нашей жизни и что навсегда свято для нас. Нет нужды говорить, что ни один из нас не может похвалиться, ни упрекнуть себя большею долею дряни; количество равно с обеих сторон, и нам нельзя завидовать друг другу или стыдиться один другого. Но я не о том писал и не то хотел сказать: ты не так понял меня. Постараюсь однажды навсегда уяснить это обстоятельство, чтоб оно больше не смущало тебя. Ты знаешь мою натуру: она вечно в крайностях и никогда не попадает в центр идеи. Я с трудом и болью расстаюсь с старою идеею, отрицаю ее донельзя, а в новую перехожу со всем фанатизмом прозелита. Итак, я теперь в новой крайности, — это идея социализма, которая стала для меня идеею идей, бытием бытия, вопросом вопросов, альфою и омегою веры и знания. Все из нее, для нее и к ней. Она вопрос и решение вопроса. Она (для меня) поглотила и историю, и религию, и философию. И потому ею я объясняю теперь жизнь

мою, твою и всех, с кем встречался я на пути к жизни. Видишь ли: мы дружились, ссорились, мирились, опять ссорились и снова мирились, враждовали между собою, неистово любили один другого, жили, влюблялись, — по теории, по книге, непосредственно и сознательно. Вот, по моему мнению, ложная сторона нашей жизни и наших отношений. Но должны ли мы винить себя в этом? И мы винили себя, клялись, проклинали, а лучше не было, нет и не будет. Любимая (и разумная) мечта наша постоянно была — возвести до действительности всю нашу жизнь, а следовательно, и наши взаимные отношения; и что же! мечта была мечтой и останется ею; мы были призраками и умрем призраками, но не мы виноваты в этом, и нам не в чем винить себя. Действительность возникает на почве, а почва всякой действительности — общество. Общее без особого и индивидуального действительно только в чистом мышлении, а в живой, видимой действительности оно — онанистическая, мертвая мечта. Человек — великое слово, великое дело, но тогда, когда он француз, немец, англичанин, русский. А русские ли мы?.. Нет, общество смотрит на нас как на болезненные наросты на своем теле; а мы на общество смотрим как на кучу смрадного помету. Общество право, мы еще правее. Общество живет известною суммою известных убеждений, в которых все его члены сливаются воедино, как лучи солнца в фокусе зажигательного стекла, понимают друг друга, не говоря ни слова. Вот почему во Франции, Англии, Германии люди, никогда не видевшие друг друга, чуждые друг другу, могут сознавать свое родство, обниматься и плакать — одни на площади в минуту восстания против деспотизма за права человечества, другие хотя в вопросе о хлебе, третьи при открытии памятника Шиллеру. Без цели нет деятельности, без интересов нет цели, а без деятельности нет жизни. Источник интересов, целей и деятельности — субстанция общественной жизни. Ясно ли, логически ли, верно ли? Мы люди без отечества — нет, хуже, чем без отечества мы люди, которых отечество — призрак, — и диво ли, что сами мы призраки, что наша дружба, наша любовь, наши стремления, наша деятельность — призрак. Боткин, ты любил — и твоя любовь кончилась ничем. Это история и моей любви. Станкевич* был выше, по натуре, обоих нас, — и та же история. Нет, не любить нам, и не быть нам супругами и отцами семейств. Есть люди, которых жизнь не может проявиться ни в какую форму, потому что лишена всякого содержания: мы же — люди, для необъятного содержания жизни которых ни у общества, ни у времени нет готовых форм.

[...] Вот, что я хотел тебе сказать и чего ты не понял. Я упомянул о старом не вследствие досады и не в виде жалобы, а как о старом предмете нового сознания. Не тень неудовольствия хотел я бросить на наши прежние отношения, но пролить на них примирительный свет сознания, не обвинять хотел я тебя или себя, но оправдать. Ища исхода, мы с жадностью бросились в обаятельную сферу германской созерцательности⁴ и думали, мимо окружающей нас действительности, создать себе очаровательный, полный тепла и света, мир внутренней жизни. Мы не понимали, что эта внутренняя, созерцательная субъективность составляет объективный интерес германской национальности, есть для немцев то же, что социальность для французов. Действительность разбудила нас и открыла нам глаза, но для чего?.. Лучше бы закрыла она нам их навсегда, чтобы тревожные стремления жадного к жизни сердца утолить сном ничтожества [...]

Но третий ключ — холодный ключ забвенья —
Он слаще всех жар сердца утолит...

Мы, Боткин, любим друг друга; но наша любовь — огонь, который должен питаться сам собою, без внешней поддержки. О, если бы ему масла внешних общественных интересов! [...] Социальность — или смерть! Вот девиз мой. Что мне в том, что живет общее, когда страдает личность? Что мне в том, что гений на земле живет в небе, когда толпа валяется в грязи? Что мне в том, что я понимаю идею, что мне открыт мир идеи в искусстве, в религии, в истории, когда я не могу этим делиться со всеми, кто должен быть моими братьями по человечеству, моими ближними во Христе, но кто — мне чужие и враги по своему невежеству? Что мне в том, что для избранных есть блаженство, когда большая часть и не подозревает его возможности? Прочь же от меня блаженство, если оно достояние мне одному из тысяч! Не хочу я его, если оно у меня не общее с меньшими братьями моими! Сердце мое обливается кровью и судорожно содрогается при взгляде на толпу и ее представителей. Горе, тяжелое горе овладевает мною при виде и босоногих мальчишек, играю-

⁴ Белинский пишет об увлечении идеями Гегеля и младогегельянства — «раннем русском гегельянстве», распространенном умонастроении 1840-х гг. (начало принято отсчитывать с 1837 г. — знакомства с идеями Гегеля в кружке Станкевича). Белинский активно пропагандировал значение взглядов Гегеля для понимания исторической судьбы России. — *Прим. ред.*

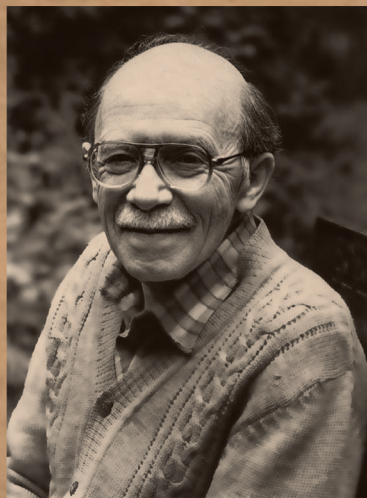
щих на улице в бабки, и оборванных нищих, и пьяного извозчика, и идущего с развода солдата, и бегущего с портфелем под мышкой чиновника, и довольного собою офицера, и гордого вельможи. Подавши грош солдату, я чуть не плачу, подавши грош нищей, я бегу от нее, как будто сделавши худое дело и как будто не желая слышать шелеста собственных шагов своих. И это жизнь: сидеть на улице в лохмотьях, с идиотским выражением на лице, набирать днем несколько грошей, а вечером пропить их в кабаке, — и люди это видят, и никому до этого нет дела! Не знаю, что со мною делается, но иногда с сокрушительною тоскою смотрю я по нескольку минут на девку... и ее бессмысленная улыбка, печать разврата во всей непосредственности рвет мне душу, особенно, если она хороша собою. Рядом со мною живет довольно достаточный чиновник, который так оевропеился, что, когда его жена едет в баню, он нанимает ей карету; недавно узнал я, что он разбил ей зубы и губы, таскал ее за волосы по полу и бил липками за то, что она не приготовила к кофею хороших сливок; а она родила ему человек шесть детей, и мне всегда тяжело было встречаться с нею, видеть ее бледное, изнеможенное лицо, с печатью страдания от тирании. Выслушав эту историю, я заскрежетал зубами — и сжечь злодея на малом огне казалось мне слишком легкою казнию, и я проклял свое бессилие, что не мог пойти и убить его как собаку. И это общество, на разумных началах существующее, явление действительности!.. А сколько таких мужей, таких семейств! Сколько прекрасных женственных созданий, рукою дражайших родителей бросаемых на растление скотам вследствие расчета или бессознательности! И после этого имеет ли право человек забываться в искусстве, в знании! Я ожесточен против всех субстанциальных начал, связывающих в качестве верования волю человека! Отрицание — мой бог. В истории мои герои — разрушители старого — Лютер*, Вольтер*, энциклопедисты⁵, террористы, Байрон («Каин»⁶) и т. п. Рассудок для меня теперь выше разумности (разумеется — непосредственной), и потому мне отраднее кощунства Вольтера, чем признание авторитета религии, общества, кого бы то ни было! Знаю, что средние века —

⁵ Энциклопедисты — авторы (ученые, философы, писатели) созданной во Франции в 1750–1780-х гг. первой энциклопедии (полное название «Энциклопедия, или Толковый словарь наук, искусств, ремесел»), представившей читателю картину мира и идеи Просвещения. — *Прим. ред.*

⁶ «Каин» — драма-мистерия Джорджа Байрона, переосмысление библейского сюжета в духе свободолюбия и тираноборства. — *Прим. ред.*

Михаил Гефтер (1918–1995) осуществил замысел «Антологии народничества» в конце 1970-х годов, после ухода из «разрешенной» науки. Работа над книгой стала продолжением и итогом размышления историка в связи с пересмотром сталинистской картины революционного движения в России, исследований отечественного радикализма мысли и действия. Народовольческое движение, продолжившее после отмены крепостного права и других реформ Александра Второго дело декабристов и революционных публицистов, существовало для автора «Антологии» в лицах, исканиях, драмах идей и судеб. К новому осмыслению революционного террора подвигли также события на «левом» Западе, начиная с 1968 года. Детями бурных шестидесятых были помощники Михаила Гефтера в подготовке «Антологии» — молодые гуманитарии, не вписывавшиеся в советские научные и жизненные стандарты. Для создателей книги моральный ригоризм и радикальность жизненного выбора героев «Народной воли» были ярким примером неизбежности роковых последствий отказа власти от диалога с теми, кто видит необходимость кардинальных перемен в стране.

«Антология» возвращает нас к вечным проблемам соотношения цели и средств, цены революции и незавершенных реформ — истокам и причинам российских катастроф и тупиков развития.

ISBN 978-5-4469-1832-4

9 785446 918324